

Два своеручныхъ доклада К. Леонтьева въ Московскій Цензурный Комитетъ.

Извѣстный англійскій ученый Т. Карлейль усматриваетъ идею героизма въ сочетаніи двухъ великихъ качествъ человѣческаго духа—искренности и своеобытности. Онъ глубоко правъ. Искренность и своеобытность—вотъ тѣ животворящія силы, которыя даютъ самодовлѣющую цѣнность стремленію человѣческой воли къ познанію субъективной истины.

Каковы бы ни были разногласія вокругъ имени Константина Леонтьева, одно несомнѣнно: его пламенная искренность доходила до глубины страданія, его своеобытность вызывала негодованіе враговъ и производила смятеніе въ рядахъ друзей и почитателей великаго человѣка.

Да, Константину Леонтьеву надлежитъ занять героическое мѣсто въ рядахъ русскихъ мыслителей. „Прошелъ великій мужъ по Руси—и легъ въ могилу,—пишетъ извѣстный философъ-публицистъ В. Розановъ.—Ни звука при немъ о немъ; карканьемъ воронъ онъ встрѣченъ и провоженъ. И легъ, и умеръ въ отчаяніи, съ талантами необыкновенными“ *).

Неизмѣримы глубины гениальнаго духа; необъятны и безпредѣльны его порывы. Образъ Леонтьева являетъ тому пзумительныя доказательства. Сверкающая красота эллинизма и мощный византизмъ были въ равной мѣрѣ близки и дороги его нравственной природѣ. Эстетическія переживанія и суровая государственная мудрость сплетались въ одно неразрывное цѣлое въ душѣ нашего философа.

Блестящій очеркъ духовнаго облика Леонтьева даетъ проф. Борисъ Никольскій: „Каждый вѣтеръ протекаетъ въ любомъ направленіи

*) (Памяти К. Н. Леонтьева 1911. Стр. 184).

и все вкюнить и влечеть по своему пути, все сокрушаетъ или останавливаетъ, что ему навстрѣчу стремится или упирается. Леонтьевъ... былъ какою то бурей, разомъ мечущеюся во всѣхъ направленіяхъ, одновременно и славословя и разрушая одно и то-же, существуя тѣмъ раздоромъ несогласимыхъ стремленій, который явился бы концомъ и гибелью для прямолинейно-вѣющаго духа. Его мысль ни для кого не была ни попутнымъ, ни встрѣчнымъ вѣтромъ... Она размалывала въ своихъ противорѣчіяхъ почти каждого, кого захватывала. И предѣломъ этого смерча могла быть только такая несокрушимая преграда, о которую онъ разбился бы, чтобъ освобожденные тучи ушли въ небо, освобожденные волны ушли въ море" *).

Подробную характеристику философскаго мышленія Леонтьева мы дадимъ въ специальной работѣ; теперь же скажемъ только, что за послѣдніе годы, слава Богу, имя Константина Леонтьева все болѣе и болѣе приковываетъ къ себѣ вниманіе лицъ, посвятившихъ себя изученію русской философіи. Скучная библиографія о Леонтьевѣ за послѣднее время пополнилась нѣсколькими цѣнными работами. Къ такому надлежитъ отнести: 1) Диссертацию священника К. Аггеева „Христіанство и его отношеніе къ благоустроенію земной жизни“, Кіевъ 1909 г.; 2) Сборникъ памяти Леонтьева. СПб. 1911 г.; 3) Обширную статью Б. Гривцова: „Судьба Леонтьева“ (*Русская Мысль* 1913 г., Кн. 2, 4). Далѣе, слѣдуетъ отмѣтить предпринятое въ 1912 году изданіе подъ редакціей протоіерея Фуделя двѣнадцатитомнаго собранія сочиненій Леонтьева. (До сихъ поръ вышло 9 томовъ). Значительный литературный интересъ представляютъ выпущенныя въ 1915 году Анатоіемъ Александровымъ письма къ нему Леонтьева, снабженныя предисловіемъ и примѣчаніями издателя.

Считая, что каждая строчка, вышедшая изъ подъ пера Леонтьева, имѣетъ большую историческую цѣнность, мы приступаемъ къ печатанію на страницахъ *Русскаго Архива* тѣхъ докладовъ, которые Константинъ Николаевичъ по должности цензора представлялъ въ Московскій Цензурный Комитетъ по поводу различныхъ сочиненій современныхъ ему русскихъ писателей. Въ этихъ краткихъ, официальныхъ отзывахъ чувствуется душа Леонтьева, выявляется его міросозерпаніе, его государственная идеологія. Для всесторонняго изученія Леонтьева предлагаемые вниманію читателя матеріалы безспорно имѣютъ существенное значеніе.

Пользуемся случаемъ, чтобы принести глубокую благодарность предсѣдателю Московскаго Комитета по дѣламъ печати Алексѣю Але-

*) (Памяти К. Н. Леонтьева. 1911. Стр. 367—8)!

ксѣвичу Сидорову за то просвѣщенное содѣйствіе, которое онъ оказалъ намъ въ нашихъ изысканіяхъ.

Евгеній Никитинъ.

I.

Длинная сатирическая поэма г. Веселовскаго „Городъ Спрутъ“ представляетъ собою для цензурующаго ее явленіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Мысль поэмы слѣдующая: Какой то западный европеецъ въ сопровожденіи слуги своего отправляется изучать современную Россію. Своей родиной онъ недоволенъ. Чрезмѣрная централизація, развитіе столицы, истощающей своимъ капитализмомъ силы націи, возбуждаетъ въ немъ отвращеніе и онъ предлагаетъ своему простому соотечественнику удалиться въ страну болѣе первобытную, просторную, т. е. въ Россію. Такова первая часть—вродѣ пролога.

Вторая часть называется „Городъ Спрутъ“ (т. е. исполинская каракатица, поглощающая цѣлые корабли). Въ ней сначала описывается сельская русская природа, а потомъ начинается сатира на современный строй нашей жизни, сложившійся подъ вліяніемъ реформъ предыдущаго двадцатилѣтія; иностранецъ восхищается нашимъ войскомъ, благоговѣетъ передъ православнымъ богослуженіемъ, хвалитъ Храмъ Спасителя въ Москвѣ; но это все, такъ сказать, лишь остатки или новыя произведенія „Стараго духа“. Все новѣйшее подвергается авторомъ жестокому осужденію: суды, университетскій уставъ (63 года), студенты, занимающіеся „коммунизмомъ“ вмѣсто науки, грубый реализмъ живописи и литературы, грязный репертуаръ театровъ, аристократія, которая радикальнѣе демократовъ. Либеральная журналистика не только „ехидно“ сбиваетъ съ толку людей, чтобы скорѣй все пошло вверхъ дномъ“, но она даже подкупается иностранными посылками. Изъ вліянія этой прессы можетъ выйти только „нешадная пугачевщина“.

Авторъ далѣе описываетъ нигилистовъ и ихъ „одичалыхъ самокъ“— полное обѣдненіе крестьянъ, разореніе помѣщиковъ, пьянство, неисполнительность рабочихъ, безсудіе и т. д., однимъ словомъ почти полное разрушеніе; иностранецъ, ожидавшій совсѣмъ иного, пораженъ и смущенъ.

Онъ понимаетъ, наконецъ, что всему виною Петербургъ и его искусственныя и всесильныя распоряженія. Петербургъ-то и есть этотъ спрутъ, поглощающій корабли.

Размѣры доклада не позволяютъ мнѣ дѣлать выписки тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно рѣзко и пламенно выражено негодованіе автора на высшую администрацію столицы, но я сочту долгомъ прочесть иныя изъ этихъ мѣстъ Комитету.

Поэма кончается тѣмъ, что европейскій эмигрантъ со своимъ спутникомъ, изучившій современную разстроенную либеральнымъ прогрессомъ Европейскую Россію, бѣгутъ изъ нея куда-то въ Сибирь. Оттуда иностранецъ хочетъ писать русскому помѣщику, отъ котораго онъ получилъ письмо, и зоветъ его поселиться около Уссури и Китая. Помѣщикъ (какъ бы самъ авторъ) отвѣчаетъ ему съ радостью, что онъ готовъ; имѣніе онъ продалъ по невозможности долѣе въ нашихъ краяхъ жить порядочному человѣку. Ему крестьяне сдѣлали гадость, судъ ихъ оправдалъ, а его осрамилъ, а одна либеральная газета осмѣяла и опозорила его; онъ нанялъ одного силача адвоката и еще одного литератора; они втроемъ пошли въ редакцію, вышибли глазъ редактору; редакторъ, впрочемъ, взялъ деньги и помирился; но чаша переполнена! Надо бѣжать—хоть въ Кайенну. Ея миазмы лучше „этой вони катаплазмовъ—этихъ безкровныхъ пытокъ кровопійць, т. е. нашихъ судовъ и управленія“—говоритъ авторъ.

Итакъ, сущность поэмы, я полагаю, теперь ясна: беспощадныя нападенія на порядки, завѣщанныя прошедшимъ періодомъ реформъ, но нападаетъ авторъ на нихъ не во имя чего нибудь еще злѣе либерализма или демократизма, или вликушества, а напротивъ того, во имя основъ: во имя крѣпости религіи, силы монархіи, необходимости дворянскихъ привилегій, во имя спокойной и покорной сытости мужика и т. д.

Идеаль этотъ, конечно, вполне цензуренъ и въ пользу автора можно сказать еще и то, что онъ видимо изрыгаетъ свою сатирическую хулу не на петербургскую администрацію всѣхъ временъ, а только на распоряженія либеральнаго періода.

Однако, не взирая на всѣ эти благопріятныя для сочиненія отзывы, я не могу взять на себя единоличной отвѣтственности пропустить эту поэму, вслѣдствіе изступленнаго тона, съ которымъ онъ обращается къ Спруту и вслѣдствіе крайне мрачныхъ красокъ, которыми онъ изображаетъ жизнь дореформенной Россіи.

Полагаю возможнымъ войти въ соглашеніе съ авторомъ для смягченія нѣсколькихъ слишкомъ рѣзкихъ мѣстъ.

II.

На дняхъ была представлена мнѣ на просмотръ отпечатанная въ количествѣ 1200 экз. безъ предварит. цензуры книга Г-на Д. Голохвастова: „Письма изъ деревни о Письмахъ изъ деревни г. Энгельгардта“. Я нахожу, что эту книгу пропустить невозможно по слѣдующей причинѣ: г. Голохвастовъ защищаетъ помѣщичью и вообще личную поземельную собственность противъ коммунистическихъ выводовъ и пророчествъ г-на Энгельгардта.—Это прекрасно, но съ другой стороны, этотъ защитникъ „индивидуальности“ до того язвительно и дерзко отзывается о правительствѣ нашемъ, что, по моему, трудно рѣшить, что вреднѣе: хозяйственныя ли разсужденія съ социалистическимъ оттѣнкомъ г-на Энгельгардта, или же плутократическія дерзости, расточаемыя г. Голохвастовымъ, высшему правительству нашему по поводу акта эманципаціи 1861 года и другихъ государственныхъ дѣйствій, дающихъ (по мнѣнію Голохвастова) мужикамъ, людямъ, подобнымъ Энгельгардту, и самимъ землевладѣльцамъ полное право не вѣрить въ прочность личной собственности въ Россіи, такъ какъ само правительство на нее легко посягаетъ.

На стр. 67 и 76 авторъ прямо приравниваетъ наше правительство къ французскому Конвенту прошлаго вѣка.

Вотъ почему я полагаю необходимымъ запретить эту непріятную книгу.

Въ докладѣ я отмѣтилъ почти всѣ тѣ мѣста, которыя меня поразили *).

*) Книга Д. Голохвастова издана въ Москвѣ въ 1884 г. 171 страница малаго формата.